

А.В. Занемонец

БЫЛ ЛИ ИОАНН ЕВГЕНИК СВИДЕТЕЛЕМ ПАДЕНИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ?

На протяжении второй половины XX в. византилисты ряда славянских стран повторяли утверждение, будто Иоанн Евгеник, брат св. Марка Эфесского и видный византийский писатель, церковный и политический деятель первой половины XV в., был свидетелем последней осады и падения Константинополя 29 мая 1453 г. В западной византистике этот этап его биографии вовсе обходится молчанием. Текстом, легшим в основу данной гипотезы, является “Монодия на падение Константинополя”, написанная Иоанном Евгеником вскоре после падения Византийской империи и еще в XV в. переведенная на древнерусский язык. Первым, кто высказал предположение о пребывании Иоанна Евгеника в Константинополе весной 1453 г., был болгарский исследователь Ив. Дуйчев. За ним это утверждение, не подвергаясь сомнению или проверке, повторяется в русской византистике до сегодняшнего дня.

Статья болгарского исследователя Ивана Дуйчева «О древнерусском переводе “Рыдания” Иоанна Евгеника», вышедшая в русском переводе в 1957 г.¹, является частью его более обширного исследования, опубликованного по-французски с 1953 по 1956 г.² Болгарский ученый продолжал исследование славянского варианта монодии, начатое Н.А. Мещерским³, которому не было доступно единственное до сих пор издание греческого текста монодии, сделанное Сп. Ламбросом⁴. Ив. Дуйчев, располагавший этим изданием, полемизирует с Н.А. Мещерским в отношении ряда выводов, сделанных в его статье. Среди прочего это касается вопроса о месте и времени написания монодии.

«Из текста “Рыдания” можно заключить, – пишет Н.А. Мещерский, – что Иоанн Евгеник в момент захвата Константинополя турками находился, вероятно, в Трапезунте; он не был очевидцем последнего штурма Константинополя и, по-видимому, не надолго пережил падение оплакиваемой им столицы. Надо думать, что это произведение было последним трудом автора. Во всяком случае, оно написано не позднее 1461 г., когда турки завоевали родной город Евгеника – Трапезунт, ибо о гибели этого города “Рыдание” нигде не упоминает»⁵. Далее исследователь вновь повторяет, что “сам автор не был свидетелем гибели оплакиваемого им города и лишь слышал о событиях от очевидцев”⁶.

¹ Дуйчев Ив. О древнерусском переводе “Рыдания” Иоанна Евгеника // ВВ. 1957. Т. 12. С. 198–203.

² Dujcev Iv. La conquete turque et le prise de Constantinople dans la litterature slave contemporaine // Byzantinoslavica. 1953. XIV. P. 14–54; 1955. XVI. P. 318–329; 1956. XVII. P. 276–340.

³ Мещерский Н.А. “Рыдание” Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод // ВВ. 1953. Т. 7. С. 72–86.

⁴ Λάμπρος Σπ. Μονωδίαи καи Θρηνοι ἐπὶ τῇ Ἀλώσει τῆς Κωνσταντινουπόλεως // ΝΕ. 1908. 5. Σ. 219–226. (Далее: Μονωδίαи).

⁵ Мещерский Н.А. Указ. соч. С. 74.

⁶ Ibid. С. 76.

Полемизируя с этим утверждением Н.А. Мещерского, Ив. Дуйчев утверждает, что “Иоанн Евгеник заявляет прямо и ясно, что он лично наблюдал случившееся, претерпел страдания, но все-таки остался жив... В тексте “Рыдания”, по моему мнению, не могут быть найдены указания, что оно было составлено намного после 1453 г.”⁷. Что касается *времени* написания монодии, то Б.Л. Фонкич показал, что ее текст “появился на свет, несомненно, в первые же дни после взятия Константинополя турками, вероятно, в июне 1453 г., белой же экземпляр был изготовлен самим автором, скорее всего, спустя незначительное после этого время”⁸. Этим беловым экземпляром является венский список монодии (Vindob. Phil. gr. 183, л. 259–264 об.), который имеет существенные различия с тем списком, по которому сделано издание Сп. Ламброса. Если утверждение Ив. Дуйчева о времени создания монодии можно считать подтвержденным, то по поводу места ее написания и вообще присутствия Иоанна в столице во время осады и падения Города вопрос, как кажется, остается.

* * *

Иоанн Евгеник, помимо своего значительного литературного наследия, участия во Флорентийском соборе и родства с Марком Эфесским, известен в качестве одного из основных участников православного сопротивления утверждению унии в Византии. Именно этой борьбе посвящена значительная часть его переписки и риторических произведений. Одно из его наиболее важных антилатинских произведений – Антирретик, содержащий подробное опровержение всего ороса Флорентийского собора. В качестве противника униатской политики Константина XI Иоанн в 1450 г. покинул столицу и после ряда поездок вернулся в Морейский деспотат, где имел небольшое земельное владение и пользовался поддержкой властей. Именно с Пелопоннесом будет связана значительная часть последующей деятельности Евгеника.

Очередной этап борьбы, связанной с унией, пришелся на самый конец 1452 – начало 1453 г. Это можно назвать третьим этапом рецепции Флорентийской унии в Византии, который в своей “положительной” части завершился официальным провозглашением ороса Флорентийского собора в Софии Константинопольской и обновлением унии 12 декабря 1452 г. Антирретик Иоанна Евгеника был написан как ответ на это событие. Однако здесь первые роли принадлежали не Иоанну Евгенику, а Геннадию Схolariю с православной стороны и Исидору Киевскому с униатской.

В отличие от предшествующего этапа рецепции унии, богатого на богословские сочинения и дебаты, теперь политика обеих сторон состояла в обращении к “народу” с попыткой склонить его на свою сторону. Возможно, это связано с тем, что позиция верховной власти Византийской империи к этому моменту уже определилась. За период с ноября 1452 г. по январь 1453 г. Схolariем было составлено шесть текстов. В одном из них, обращаясь к лидерам православных 15 ноября 1452 г., Схolariй особо отмечает

⁷ Дуйчев Ив. Указ. соч. С. 200.

⁸ Фонкич Б.Л. Иоанн Евгеник и его “Монодия на падение Константинополя” // Византия между Востоком и Западом. М., 1999. С. 290.

двух людей – Сильвестра Сиропула и Феодора Агаллианоса⁹. Об Иоанне Евгенике *ничего не говорится*. Более того, в коллективном обращении лидеров “православного сопротивления”, подписанном в ноябре 1452 г. пятнадцатью священнослужителями различного ранга, имени Евгеника мы также *не находим*. Это говорит не о его малой вовлеченности в борьбу, но лишь о том, что в это время, в ноябре 1452 г., он не был в Константинополе. А присутствие в 1452 г. Иоанна именно на Пелопоннесе подтверждает его “Протрептик деспоту о Церкви Христовой”, посвященный морейскому деспоту Димитрию и датировемый 1452 г.¹⁰ Этот текст свидетельствует о вовлеченности Иоанна в борьбу, однако не в столице, а на Пелопоннесе. Ни в каких текстах Геннадия Схолария того периода, посвященных столичным событиям, также ни в каких других константинопольских источниках этого времени Иоанн Евгеник не упоминается.

* * *

Если все же придерживаться гипотезы о том, что Иоанн Евгеник был свидетелем падения Константинополя в мае 1453 г., то остается предположить, что он вернулся в столицу из Морейского деспотата после обновления унии, т.е. в начале 1453 г. В 1450 г. Евгенику пришлось покинуть Город из-за униатской политики власти, поэтому не подлежит сомнению, что в начале 1453 г. он также был *persona non grata*, и тем более не могло быть и речи о его возвращении в патриархию в качестве диакона и номофилака. Без этого, после вполне устроенной жизни близ Мистры, вряд ли можно говорить о возвращении Иоанна Евгеника в Константинополь. Но главное – это, конечно же, военные события, связанные с осадой Города турками.

По поводу намерений Мехмета II захватить византийскую столицу все сомнения отпали после возведения им близ Константинополя крепости Румели-Хисар, которая была завершена к концу августа 1452 г. Это было уже настоящей подготовкой к осаде. В январе-феврале 1453 г. несколько итальянских судов еще приходят в Константинополь, чтобы оказать ему помощь против султана. В марте 1453 г. начинается сбор турецкого флота у Галлиполи, и к самому началу мая вся турецкая армия вместе с султаном уже стояла у стен Константинополя. В ситуации крайней опасности, а затем и блокады Города с суши и моря, весьма уже престарелый по понятиям того времени Иоанн Евгеник вряд ли мог попасть из Мистры в столицу гибнущей империи, даже если бы этого и захотел. Это обстоятельство, являющееся следствием тогдашней политической и военной ситуации, заставляет предположить, что Иоанн Евгеник не мог быть свидетелем падения Города.

И, наконец, фраза из монодии, которая позволила Ив. Дуйчеву, а за ним и ряду других исследователей утверждать, что весной 1453 г. Иоанн Евгеник был в гибнущей столице: ...πάντα ἰδὼν καὶ παθὼν καὶ ἀκούσας ἐγὼ, ὁ δύσμορος, ἐφυλαττόμην ἐς τόδε καιροῦ ὀψόμενος, θρηνησῶν, λενθήσῶν τὴν κοινὴν συμφορὰν. Πῶς οὐ καταράσομαι τὴν ἡμέραν ἐν ἣ ἐγεννήθη πολλῶ τοῦ Ἰωβ δικαιότερον (“Я, увидев, прочувствовав и услышав все это, о несчаст-

⁹ Œuvres Completes de Gennade Scholarius / Ed. L. Petit. Vol. III. P., 1930. P. 166.

¹⁰ Λάμπρος Σλ. Παλαιολόγεια καὶ Πελοποννησιακά. Τ. 1. Ἀθήναι, 1912. Σ. 180.

ный, сохранился до настоящего времени, чтобы оплакивать, скорбеть и являться образом общего несчастья. Разве не проклянута я день, в который был рожден, с куда большим основанием, нежели Иов?”¹¹). Подлинным указанием на участие в событиях могут быть, собственно, только слова πάντα ἰδὼν ἐγὼ – “я, увидев все это...”. Но могут ли они служить достаточным аргументом в пользу аутопсии в таком риторическом произведении, как монодия? В этом тексте почти что нет описаний конкретных событий и обстоятельств. Это именно риторическое произведение, для написания которого не было необходимости видеть события воочию. К тому же Евгений указывает в монодии и на то, что о падении Города ему рассказали другие: Ἀκούσας πρῶτον ἐπὶ πολὺ διηπίστουν καὶ ληρεῖν καὶ παραλαίειν ὁ μάταιος καὶ βλασφημεῖν ᾤμην τοὺς λέγοντας ἢ ἀδύνατα ἀλαγγέλειν (“Услышав впервые, я совершенно не верил и считал, о безумный, что говорящие это празднословят безумствуют и богохульствуют или же возвещают невероятное”¹²).

Все это подтверждает предположение о том, что Иоанн Евгений лично не был свидетелем падения Константинополя, его монодия на это событие была написана на Пелопоннесе, и даже нет надежных свидетельств того, что он потом когда-либо возвращался в бывшую столицу погибшей империи.

¹¹ Μονωδία. Σ. 220.

¹² Μονωδία. Σ. 225.